

СЕКРЕТ ПОЛИТИКА

ПУТЬ ОСОБЫЙ, НО НЕПОЯТНЫЙ

СОГЛАСНО традиционному опросу общественного мнения, проведенному «Левада-центром», каждый второй россиянин уверен, что сейчас в стране только временные затруднения. Каждый пятый хотел бы, чтобы Россия двигалась по «советскому пути», сторонников которого больше среди пожилых людей с низкими доходами и образованием ниже среднего (28%, 27% и 31% соответственно). Модель европейской цивилизации в качестве образца развития для страны склонны рассматривать респонденты в возрасте от 25 до 39 лет (25%) и с высшим образованием (22%). Большинство же – 55% опрошенных – считают, что Россия должна развиваться по собственному, особому пути.

Что это за особый путь, по которому должна идти Россия? На этот вопрос мы попросили ответить экспертов и обывателей.

Андрей Гаркушов, специалист по продаже недвижимости:

– Вопрос масштабный и глубокий. Думаю, надо начать жить по-своему. Как завещал великий Ленин: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Чему? Учиться жить самостоятельно, развивать свое производство и технологию, выстраивать свои бизнес-процессы. Главное – перестать смотреть на кого-то и ждать от кого-то помощи. Надо начать учиться жить своим умом.

Россия – это не что-то большое и абстрактное. Это в первую очередь ее граждане. И каждый из нас должен стать более самостоятельным, сделать акцент на самодисциплину и саморазвитие. О духовном развитии тоже не стоит забывать. Иначе как мы сможем идти вперед и развиваться, если не будем ценить ни культурное наследие, ни историю своей страны?

Ольга Мирошниченко, журналист:

– На мой взгляд, совершенно не важно, будет это особый путь или общепринятый. Главное, чтобы был правильный. Пока у большинства россиян качество жизни находится на низком уровне, вряд ли они будут озадачиваться глобальными вопросами. Хорошо бы убрать основные проблемы: дорогое жилье и образование при невысокой зарплате, очереди в поликлиниках и высокие цены на лекарства. И ведь ресурсный потенциал для решения этих вопросов у страны огромный. Надо просто направить его в нужное русло. А уж потом и название для пути можно придумать.

Сергей Виктор, предприниматель:

– Наверное, это вопрос, над которым каждый периодически, даже отчетливо не фиксируя, задумывается, но целенаправленно не размышляет над ним. Хотя вопрос этот важен для каждого человека, ведь мы живем не разобщенно, а в обществе, у которого должна быть общая стратегия развития. И важно, чтобы люди понимали ее принципы, осознанно относились к тому, что они делают: во время учебы в вузе, создавая собственную компанию или устраниваясь на крупное предприятие. Ведь путь каждого и есть путь России, как бы пафосно это ни звучало, но по сути это так.

Если говорить о том, каким конкретно может быть этот путь, то категорично отмечу, что советский путь и европейская модель для меня – это некие крайности. Советский путь означает изолированность, но в нем есть и свои плюсы, например, концентрация на развитии внутренних ресурсов. Европейский путь содержит много плюсов, но и очень большие риски в короткие сроки потерять свою идентичность.

Поэтому в вопросе пути России я за связь с историей, за связь поколений, за национальную идентичность.

Елена Колесова, финансист:

– Я считаю, нужно идти своим путем. Но при этом обязательно нужно взять удачные модели в других государствах. Зачем изобретать велосипед? Если какие-то экономические действия, законодательные инициативы себя оправдали, нужно их опробовать. И тогда из разных слагаемых у нас получится что-то свое, но на кого не похоже, но при этом эффективное государство. Рекомендации по конкретным странам я не готова дать, но уверена, что специалисты их найдут.

Ирина Матвеева, юрист:

– Мне кажется, что глупо говорить о каком-то особом пути и глубоко мысленно пытаться сформулировать его характеристики. Весь цивилизованный современный мир развивается примерно по единым законам с небольшими погрешностями, связанными с достигнутым уровнем на определенном этапе. Да, иногда у какой-то страны случается озарение, дающее ей возможность вырваться вперед, но ненадолго, ее быстро догоняют и обгоняют другие страны. И процесс этот бесконечен.

Другой аспект: почти ни в одной стране (за исключением некоторых африканских) не осталось «своей» культуры, философии, религии. Всё смешалось в результате войн, мирного обмена интеллектуальными достижениями, путешествий мастеров, философов, писателей по миру.

Что значит национальная идентичность? Вот, например, многие российские ученые уехали из страны и двигают науку на Западе. Они продвигают российскую идентичность или создают зарубежную? Сложный и спорный вопрос... Поэтому, думаю, надо говорить не о поиске какого-то мифического пути, а о стремлении максимально развиваться с учетом общемировых трендов.

Татьяна Луканкина, журналист:

– У России нет «суперособого», ни на что не похожего пути. Ее путь особенный в том же смысле, как особенный, свой он у любой страны, любой семьи и любой личности. Упование на этот пресловутый «особый путь России» – это подмена необходимости выработать стратегию конкретных действий по улучшению жизни. Пока же мы скачиваемся в каменный век, прикрываясь «высокой» целью найти национальную идею.

Думаю, нам надо брать лучшее из мировой практики, а лучшее там – это свобода экономики и свобода личности. У нас этого, к сожалению, не происходит.

Роман Шугуров, главный технолог типографии:

– Я мало жил при Советском Союзе да и на Европу глядел только одним глазом. Считаю, что нужно жить, как живется. Независимость – это нормальное стремление любого государства, у России оно есть, значит, мы в любом случае найдем свой путь.

Что касается уровня жизни, то, сколько себя помню, всегда вокруг говорят, что времена тяжелые. Но каждый сравнивает по каким-то своим личным ощущениям. Лично мне сейчас намного легче, чем 15 лет назад, ведь я ребенок перестройки. Скорее всего, нужно не обращать внимания на происходящее вокруг и просто жить. Кроме материальных благ ведь есть количество личных свобод. Например, в Германии их намного меньше, чем у нас, а говорят, мол, на Западе лучше живется.

Вообще, в отношении «нашего» или «не нашего» пути я фаталист. Пусть будет, как будет.

За язык тянул Анна Важенина

Ирина Аксёнова:
«Комиссия – надежный экипаж»

Начало на стр. 1

Мы писали письма, настаивали, и к нам прислушались, близлежащие дома снова прикрепили к нашему участку. Хотя по опыту скажу, в принципе люди очень любят ходить пешком, для пожилого человека в радость прогуляться в воскресенье, поговорить с нами. Пусть и не решим всех проблем, но зато пообещаемся. А избиратели-пенсионеры потом говорят: «Спасибо, доченьки, что выслушали». Сейчас не более 10–12 избирателей выказывают желание проголосовать на дому, в основном эти люди живут на 9-м или 12-м этаже, им трудно спускаться и подниматься. А кто может прийти самостоятельно, не упускает возможность в день голосования посмотреть отличный детский концерт в нашей школе, с доктором поговорить, который дежурит на участке.

В целом явка, если нет особенной интриги, острой борьбы кандидатов, составляет около 30 процентов. Больше всего людей приходило на выборы, которые сейчас можно называть знаковыми, когда в 1990-х выбирали губернатора Юрия Ножикова, а в 2005-м – мэра Виктора Кондрашова. Тогда мы еле-еле справлялись с потоком людей, явка была за 80%.

Сейчас нам очень помогают КОИБ, хотя с их появлением столько волнений связано было! Что за техника? Как с ней обращаться? Устанавливать контакт с новыми технологиями поручили, конечно, учителю физики. Он до сих пор приносит из дома запасной блок питания, чтобы внезапное выключение света не нарушило процесс голосования. Избиратели тоже привыкли: здоровались с ним, когда комплекс обработки говорил: «Спасибо», чью работу отвечали: «Пожалуйста, ты только посчитай хорошо».

Одной из действительно серьезных проблем стали списки избирателей: в связи с вводом новых данных, видимо, в УФМС не успевали оперативно вносить информацию о гражданах, прописанных в новостройках. Избиратели приходили голосовать и очень переживали, не обнаружив себя в списке. Страшно волновались пенсионеры. Приходилось все успокаивать, объяснять. На прошлых выборах ситуация стала намного лучше, видимо, в УФМС навели порядок, и мы в день голосования в 2014 году внесли в дополнительный список всего человек шесть, тех, кто фамилию сменил в межвыборный период.

А, возвращаясь к вашему вопросу, бороться с трудностями нам помогает, с одной стороны, настойчивость, с другой стороны, спокойствие. При работе с тревожными избирателями или суперактивными наблюдателями главное – спокойствие. Наблюдатели, которые первый раз на выборах, часто приходят заранее инструктированными, напряженные: «Покажите мне то, расскажите это, напишите, дайте». А когда видят, что ни в чем нет отказа, всё понятно, прозрачно, часа через два успокаиваются и мирно наблюдают за процессом.

– А комиссия успела сплотиться за это время?
– Не то слово! Наша комиссия – как экипаж корабля. У каждого свои обязанности, задачи, по-другому невозможно. Особая нагрузка у нас в комиссии лежит на моем заместителе Олеге Егорашеве. И учителя, члены комиссии, у нас все очень ответственные, порученное сделают самостоятельно, без дополнительного контроля и напоминаний. У нас в принципе работа отлажена, и я спокойна, что у меня обо всех мелочах не болит голова. Очень приятно, когда на коллег можно положиться и заняться главным. Некоторые «партийные» члены комиссии тоже уже давно в составе УИК. Например, «Единую Россию» много лет представляет Эмилия Генриховна Гольдфингер, от КПРФ много лет был один и тот же представитель, и только преклонный возраст вынудил оставить работу на выборах. Конечно, не всё идеально, но, думаю, у нас членом комиссии была женщина (не буду называть партию, которая ее направила), эта дама совершенно не представляла, куда пошла. Когда в день голосования на участок заходили ее соседки по дому, она начинала обсуждать кандидатов, как будто их лично знает. Нам серьезных усилий стоило ее убедить, что подобное поведение совершенно недопустимо для члена избирательной комиссии. Но в целом я очень благодарна коллегам за совместную работу на выборах.

У нас своеобразная традиция сложилась – готовить общий стол в день голосования. Перекусами сыт не будешь, поэтому мы заранее все сбрасываемся, меню составляем. Заместитель председателя едет на «оптовку», закупает продукты. Потом дежурные готовят обед, благо в школе есть кабинет технологии. А вечером, после подведения итогов голосования, всех развозим домой, чтобы по ночам не ходили. Для сплоченности коллектива забота о людях очень важна.

– А секретарь вашей комиссии тоже из преподавательского состава?

– Наш секретарь, вот она сидит, за соседним столом, ее зовут Виктория Александровна, это моя дочь. Так получилось, что она продолжила нашу педагогическую династию, и раз уж я на выборную работу пришла, то и дочку сюда же затащила. Нам комфортно вместе.

– Я часто слышу, что в комиссиях работают родственники, но такой тандем вижу впервые...
– У нас так забавно получилось, что и в комиссии соседнего участка, который расположен в филиале школы в ДКЦ «Дружба», работают мама и дочь, тоже наши преподаватели. Мне, конечно, очень удобно, я все могу своему секретарю комиссии поручить и знаю, что в любой ситуации она меня подстрахует и выручит.

– Прозвенел звонок, и в кабинет вошла молодая женщина с кислородным коктейлем в руках – секретарь комиссии.
– Виктория Александровна, не могу не спросить: как вам работаете с мамой?
– Вообще, наверное, сложнее, чем с чужими людьми (смеется), хотя в других комиссиях я не работала. Но уверена, что ко мне предъявляются повышенные требования, и высказывают их так, как чужим бы не сказали. Прямо и жестко. А с другой стороны, мы с мамой какие-то вещи без слов понимаем. Я знаю, что должна сейчас сделать, не дожидаясь рекомендаций. Мы по-семейному друг друга выручаем, подстраховываем.

– Какие выборы вам особенно запомнились?

– Пожалуй, безумными можно назвать выборы, когда рука отнималась от внесения фамилий избирателей в дополнительные списки: было введено много новых домов в нашем микрорайоне, а граждан не успели включить в списки избирателей. Еще запомнились выборы с участием международных наблюдателей. На нашем участке побывали французы и австрийцы. Их интересовал весь избирательный процесс: от открытия участка до сдачи итогового протокола. Иностранцы разговаривали с членами комиссии, расспрашивали, не оказывается ли на нас давление...

Но, наверное, самыми знаковыми были выборы мэра Иркутска, на которых победил Кондрашов. Мы обычно приезжаем в территориальную комиссию в первой пятрке, а здесь задержались и прибыли в 11 часов вечера. Что там творилось! Народу была масса, все очень оживленно обсуждали итоги голосования, поскольку побеждал не тот кандидат, который в течение гонки считался лидером. Мы поняли, что сдадим документы не раньше 5 утра. Люди стали себе пиццу и сок заказывать, кто-то

«В ЦЕЛОМ ЯВКА НА НАШЕМ УЧАСТКЕ, ЕСЛИ НЕТ ОСТРОЙ БОРЬБЫ КАНДИДАТОВ, СОСТАВЛЯЕТ ОКОЛО 30 ПРОЦЕНТОВ».

дремал в креслах. В общем, обстановка была походно-полевая. Документы мы, конечно, сдали, но запомнили надолго эту бессонную ночь.

– Ирина Рудольфовна, как вы попали в избирательную систему?

– Это не так интересно, как моя история прихода в педагогику. На выборы я попала в 1993 году, председателем участковой комиссии была Светлана Михайловна Сафронова, которая до этого работала в городском отделе культуры. Она попросила меня как математика стать секретарем комиссии, так я и проработала шесть лет. Это, с одной стороны, шутка, с другой стороны, во внедрения КОИБ действительно нужно было многое подсчитывать вручную, проверять, и математический склад ума в этом помогал. А когда Светлана Михайловна переехала в другой город, рекомендовали мою кандидатуру на должность председателя.

А в школу я пришла, уже окончив математический факультет и успешно поработав программистом. Но меня всегда тянуло к детям, ведь я из педагогической семьи. Родители познакомились, будучи молодыми специалистами, в поселке Залари. Мама окончила пединститут и вернулась туда к родным, а папа приехал в Залари по распределению учителем физики. Я росла не просто в педагогической семье, но буквально в школе. Меня из родама принесли в домик, который располагался прямо во дворе школы, в пристроенные жилые родители. Потом папу перевели директором в Иркутск, в школу №66 в предместье Рабочее, там квартира директора тоже прямо в школе была. Однако родители считали, что мне не надо идти по их стопам. Они сами наработались, и хотя к моменту моего взросления папа работал в управлении образования, а не в школе, меня активно отговаривали от педуниверситета. Родители говорили, что школьная среда – это непростое место. «Коллектив женский, там интриги, а ты у нас человек прямой, говоришь, не подумаешь, тебе будет сложно».

– Когда вы пришли в школу, вы уже окончили университет?
– Да, я уже окончила университет, но в школу я пришла, уже окончив математический факультет и успешно поработав программистом. Но меня всегда тянуло к детям, ведь я из педагогической семьи. Родители познакомились, будучи молодыми специалистами, в поселке Залари. Мама окончила пединститут и вернулась туда к родным, а папа приехал в Залари по распределению учителем физики. Я росла не просто в педагогической семье, но буквально в школе. Меня из родама принесли в домик, который располагался прямо во дворе школы, в пристроенные жилые родители. Потом папу перевели директором в Иркутск, в школу №66 в предместье Рабочее, там квартира директора тоже прямо в школе была. Однако родители считали, что мне не надо идти по их стопам. Они сами наработались, и хотя к моменту моего взросления папа работал в управлении образования, а не в школе, меня активно отговаривали от педуниверситета. Родители говорили, что школьная среда – это непростое место. «Коллектив женский, там интриги, а ты у нас человек прямой, говоришь, не подумаешь, тебе будет сложно».

– Когда вы пришли в школу, вы уже окончили университет?
– Да, я уже окончила университет, но в школу я пришла, уже окончив математический факультет и успешно поработав программистом. Но меня всегда тянуло к детям, ведь я из педагогической семьи. Родители познакомились, будучи молодыми специалистами, в поселке Залари. Мама окончила пединститут и вернулась туда к родным, а папа приехал в Залари по распределению учителем физики. Я росла не просто в педагогической семье, но буквально в школе. Меня из родама принесли в домик, который располагался прямо во дворе школы, в пристроенные жилые родители. Потом папу перевели директором в Иркутск, в школу №66 в предместье Рабочее, там квартира директора тоже прямо в школе была. Однако родители считали, что мне не надо идти по их стопам. Они сами наработались, и хотя к моменту моего взросления папа работал в управлении образования, а не в школе, меня активно отговаривали от педуниверситета. Родители говорили, что школьная среда – это непростое место. «Коллектив женский, там интриги, а ты у нас человек прямой, говоришь, не подумаешь, тебе будет сложно».

– Когда вы пришли в школу, вы уже окончили университет?
– Да, я уже окончила университет, но в школу я пришла, уже окончив математический факультет и успешно поработав программистом. Но меня всегда тянуло к детям, ведь я из педагогической семьи. Родители познакомились, будучи молодыми специалистами, в поселке Залари. Мама окончила пединститут и вернулась туда к родным, а папа приехал в Залари по распределению учителем физики. Я росла не просто в педагогической семье, но буквально в школе. Меня из родама принесли в домик, который располагался прямо во дворе школы, в пристроенные жилые родители. Потом папу перевели директором в Иркутск, в школу №66 в предместье Рабочее, там квартира директора тоже прямо в школе была. Однако родители считали, что мне не надо идти по их стопам. Они сами наработались, и хотя к моменту моего взросления папа работал в управлении образования, а не в школе, меня активно отговаривали от педуниверситета. Родители говорили, что школьная среда – это непростое место. «Коллектив женский, там интриги, а ты у нас человек прямой, говоришь, не подумаешь, тебе будет сложно».

– Когда вы пришли в школу, вы уже окончили университет?
– Да, я уже окончила университет, но в школу я пришла, уже окончив математический факультет и успешно поработав программистом. Но меня всегда тянуло к детям, ведь я из педагогической семьи. Родители познакомились, будучи молодыми специалистами, в поселке Залари. Мама окончила пединститут и вернулась туда к родным, а папа приехал в Залари по распределению учителем физики. Я росла не просто в педагогической семье, но буквально в школе. Меня из родама принесли в домик, который располагался прямо во дворе школы, в пристроенные жилые родители. Потом папу перевели директором в Иркутск, в школу №66 в предместье Рабочее, там квартира директора тоже прямо в школе была. Однако родители считали, что мне не надо идти по их стопам. Они сами наработались, и хотя к моменту моего взросления папа работал в управлении образования, а не в школе, меня активно отговаривали от педуниверситета. Родители говорили, что школьная среда – это непростое место. «Коллектив женский, там интриги, а ты у нас человек прямой, говоришь, не подумаешь, тебе будет сложно».

«ДО ВНЕДРЕНИЯ КОИБ НУЖНО БЫЛО МНОГОЕ ПОДСЧИТЫВАТЬ ВРУЧНУЮ, ПРОВЕРЯТЬ, И МАТЕМАТИЧЕСКИЙ СКЛАД УМА В ЭТОМ ПОМОГАЕТ».

сейчас столько возрастных педагогов. Не знаю, кто будет учить детей, если не придет молодежь. Средний возраст учителя математики – 57 лет. Мне 58, значит, что есть и старше меня люди! А самой молодой нашей «математичке» – 46 лет. Не хочется быть банальной в высказываниях, но многое зависит от оплаты труда. Если зарплата учителя вырастет, я уверена, смена не заставит себя ждать.

– По поводу смены: а вот этот детский портфель, он не вашей смене принадлежит?

– Да, вы очень наблюдательны, у нас тут действительно династия. Внук Никита учится в 3 классе. Поскольку мы всё время в школе, он часто здесь уроки делает, потом уходит на секции. Но я не думаю, что он станет учителем, пока таких разговоров нет. Хотя, кто знает...

– Легко ли было встроиться в школьную жизнь, тем более вы не просто учитель, а методист, человек, глубоко погруженный в процесс?

– Методику преподавания я не изучала, но с первых дней поняла, насколько важна та школа, в которой ты учишься! Моя родная математическая школа №11 празднует 100-летие на днях. Я автоматически, придя в школу, стала работать и учить так, как нас учили. Хотя были, конечно, определенные опасения – смогу ли я? Но мне никто не делал замечаний, потом я втянулась, и теперь уже сама могу методику преподавать. На самом деле, по секрету вам скажу, что определяет результат не сама методика. Мое четкое убеждение – врачом, артистом и учителем случайный человек работать не сможет. Я каждый раз, придя в театр, думаю, какой это адский труд! А получают они достаточно небольшую зарплату. С врачами такая же история: никто не будет шить раны, если это не призвание. В школе тоже случайных людей нет, они здесь просто не задерживаются.

– Надо сказать, что ваша школа №47 необычная – это место, куда иркутяне мечтают отдать своих чад.

– Да, школа востребована, она самая большая в городе по количеству детей. У нас на сегодня учится 1894 ребенка. На следующий год будет более двух тысяч. Мы даем один из лучших показателей по ЕГЭ в городе. Здесь дети развиваются, при школе со дня основания действует общее и дополнительное образование. У нас есть спортзал, бассейн, корт. Мы сохранили то, что в постперестроечные годы разваливалось: досуговый центр «Дружба», летний лагерь «Байкал». В «Дружбе» работают хореографическая и вокальная студии, школьный театр.

Но не это главное. У нас есть крепкие традиции, мы первые утвердили школьную форму. Правда, с детьми пришлось немножко «повоевать», а сейчас они даже гордятся своей элитностью. После этого ввели корпоративный этикет для учителей, который мы все выполняем. Дамы в школе ходят в платьях или костюмах с юбкой. Женщина должна оставаться женщиной, несмотря ни на что.

Екатерина Григорова